

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника
Бешеный лис
Покоренная сила
Перелом
Ближний круг
Женское оружие
Стезя и место

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Стезя и место

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 7

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К78 Красницкий, Евгений Сергеевич

Отрок: Стезя и место: роман / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 448 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-102721-6

Место и роль — альфа и омега самоидентификации, отправная точка всех планов и расчетов. Определяешь правильно — есть надежда на реализацию планов. Определяешь неверно — все рассыпается, потому что либо в глазах окружающих ты ведешь себя «не по чину», либо для реализации планов не хватает ресурсов. Не определяешь вообще — становишься игрушкой в чужих руках, в силу того, что не имеешь возможности определить: правильные ли к тебе предъявляются требования и сильные ли ты ставишь перед собой задачи.

Жизнь спрашивает без скидок и послаблений. Твое место — несовершеннолетний подросток, но ты выступаешь в роли распорядителя весьма существенных ресурсов, командира воинской силы, учителя и воспитателя сотни отроков. Если не можешь отказаться от этой роли, измени свое место в обществе. Иного не дано!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

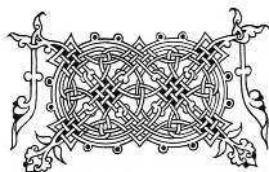
ISBN 978-5-17-102721-6

© Евгений Красницкий, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

При подготовке этого тома к переизданию мы обнаружили значительные расхождения в текстах сохранившихся авторских черновиков и первого издания. Предлагаем читателям восстановленную полную авторскую версию книги.

*Елена Кузнецова,
Ирина Град*

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Июль 1125 года. Село Ратное.

*За несколько дней до начала похода Младшей
стражи на земли боярина Журавля*

— **Ф**азговор у нас с тобой, Лёха, будет такой, что, конечно, за чаркой оно способнее было бы, — сотник Корней с неприязнью глянул на водруженный в центре стола кувшин с квасом, — однако дела так складываются, что не до питья нам сейчас. Кхе... но узнать, как ты себя в дальнейшем среди ратнищев мыслишь, мне надо до того, как речь о серьезных делах заведем. Хотя... — Корней снова глянул на кувшин и поскреб в бороде, — хотя это дело тоже несерьезным не назовешь... Ну, чего ты на меня уставился, будто не знаешь, о чем говорить хочу?

— Догадываюсь, дядька Корней: об Аниуте.

Алексей не притворялся непонимающим, не прятал глаза, но так же, как и Корней, пошарил взглядом по столу и, не обнаружив никаких напитков, кроме кваса, повел плечами, словно на нем неловко сидела одежда.

Два сотника — тертые и битые мужики, повидавшие в жизни всякого и, по части воинского да жизненного опыта, если и не равные друг другу, то достаточно

близкие, сидели за столом в большом доме лисовиновской усадьбы, практически копируя позу собеседника — спина выпрямлена, плечи расправлены, правая рука с отставленным локтем упирается в бедро, ладонь левой лежит на краю стола. Всего-то и различия, что левая рука Алексея лежала на столешнице неподвижно, а Корней нервно барабанил пальцами по дереву и воинственно выставлял вперед бороду.

Ситуация была непроста — разговор явно принимал такой оборот, что от того, как он сложится и чем закончится, будет зависеть вся дальнейшая жизнь Алексея в Ратном. По обычаю, все вроде бы ясно и понятно: разговор старшего с младшим, разговор главы семьи с побратимом его погибшего сына, который и так, вследствие обряда побратимства, считался вровень с родней, да еще и собирался усилить это родство через женитьбу на вдове побратима. Обычай давал Корнею, по сути, отцовские права и налагал на Алексея сыновние обязательства. По ситуации, тоже все было ясно и понятно — беглый и беззащитный нищий одиночка прибился к могущественному, по местным понятиям, клану и был обязан выразить почтение и подчинение главе рода.

Однако, во всей этой «ясности-понятности» присутствовало множество «но», главным из которых была сама личность Алексея. Княжий человек в немалых чинах, женатый в прошлом на боярышне и сам прошедший возле самого боярства, которого не удостоился лишь волей неблагоприятных обстоятельств; атаман разбойной вольницы, умевший подчинить и держать в узде самых, очень мягко говоря, разных людей; удачливый командир, побеждавший и переигрывавший степняков на их территории и в привычных им условиях; наконец, беспощадный убийца, сам способный оценить число своих жертв только с точностью «плюс-минус сотня». И в то же время заботливый отец, мужчина, сохранивший (или возродивший?) чувства,

которые испытывал в молодости к невесте друга, наставник, воспитывающий подростков умело и без излишней жестокости, вопреки собственным заявлениям о том, что делать этого не умеет.

Как сложить из двух очень непростых зрелых мужчин пару «строгий батюшка — почтительный сын»? Как сделать его своим, не ломая, но и не дав лишней воли? Как избежать длительного противостояния двух сильных характеров, почти наверняка способного закончиться разрывом? Корней намеренно не выставил на стол ничего хмельного. Конечно, можно было посидеть, выпить, «поговорить за жизнь» и правильно понять друг друга, в чем-то согласиться, в чем-то установить границы, через которые ни тот, ни другой не будут переступать. При соблюдении разумной умеренности совместное возлияние вполне способно облегчить взаимопонимание и породить доброжелательные отношения, и оба собеседника прекрасно умели «соблюсти плепорцию», сохраняя ясный ум при ослабленной хмельным сдержанности, но... НО! Это был бы договор равных, а Корнею требовалось подчинение! Причем добровольное — без потери лица!

Ломать, пользуясь обстоятельствами, зрелого и крепкого мужчину погорынский воевода не хотел, да и было бы это непростительной расточительностью — Алексей требовался главе рода Лисовинов таким, каким он был. Допускать же даже видимость равенства, пусть даже не выражающегося открыто, пусть «все-го лишь» подразумевающегося, Корней не хотел и не имел права: подчинение должно быть недвусмысленным, не оставляющим ни малейших лазеек или недоговоренностей. Ни сейчас, ни в сколь угодно отдаленном будущем у Алексея и мысли не должно возникнуть о претензиях на главенство в роду, и в то же время он должен быть предан роду Лисовинов «со всеми потрохами».

— Не об Анюте, а о тебе с Анютой! — Корней слегка прихлопнул ладонью по столу. — Она, если по жизни, давно стала своей, ратнинской — вдова десятника, пятерых детей родившая, из них двух будущих воинов, хозяйка отменная, одна из самых уважаемых баб в селе и... все такое прочее. Это по жизни. А по душе, так дочка мне родная, роднее некуда, я за нее кому хочешь...

— Я тоже! — Алексей схлестнулся взглядами с главой рода Лисовинов так, что стало ясно: в его список «кому хочешь» запросто попадает, если так сложится, и сам Корней Агеич. — А к твоим похвалам Анюте могу еще добавить: красавица, умница, умелица! Для всей Младшей стражи второй матерью умудрилась стать, девки в ее руках прямо расцветают — хоть за бояр за муж отдавай...

— Так чего ж ты хороводишься да не сватаешься?! — Корней по-бабьи всплеснул руками. — Ратнинские сплетницы уже мозоли на языках набили... Девки у них расцветают, понимаешь, а какой пример вы с Анютой тем самым девкам подаете?

— На сплетниц оглядываться не приучен! — Чем больше горячился Корней, чем жестче и напряженнее становился Алексей. — Тем более что без толку — если сейчас они о нас треплют, что, мол, несватанные и невенчаные, то, поженись мы с Анютой, будут трепать про то, как баба под венец полезла, когда у самой дочери на выданье. Этих балаболок только одним способом угомонить можно — языки поотрывать, и лучше, если б вместе с головами. Так что сплетнями ты меня, дядька Корней, не попрекай... про тебя самого да про Михайлу такое несут... а про Аньку с Машкой, среди отроков обретающихся, так и вовсе...

— Я с тобой не про сплетни, а про Анюту! — Корней, видимо сам не замечая, уже повысил голос почти до крика. — Ты мне дочку не позорь!!!

— Хватит, дядька Корней! — Алексей не изменил позы, только слегка приподнял пальцы ладони, лежавшей на столе, обозначая останавливающий жест. — Посвататься могу хоть сейчас и отказа ни от тебя, ни от Анюты не опасуюсь...

— Ишь ты как! Не опасается он...

— ...Не опасуюсь! — напер голосом Алексей. — Но на разговор ты меня, дядька Корней, зазвал не из-за сватовства!

— Да? А из-за чего же? — Корней саркастически pokrивил рот и шевельнул своим жутким шрамом, вертикально проходящим через левую сторону лица. — Поведай увечному да убогому: что ж это ты такое прозрел, мудрец всеведающий?

— До чего же вы с Михайлой похожи! — совершенно неожиданно для собеседника сообщил Алексей. — Он тоже, совсем как ты, порченной бровью шевелит, когда кого-то пугнуть надо. Только я-то всяких рож насмотрелся... Был у меня в ватаге один умелец, так он наострил лицо от головы отрубать — так и лежали рожи отдельно, занятное зрелище, я тебе скажу!

— Кхе... — неожиданный пассаж Алексея сбил погорынского воеводу с настроения. — Ты что несешь?

— То же, что и ты, дядька Корней. Ты — про свадьбу, я — про рожи, а о деле молчок. Ну, если ты не хочешь, могу я начать. Думается мне, что через разговор про нас с Анютой решил ты выведать: в чем и насколько мне доверять можно, а узнать это тебе понадобилось из-за того, что вскорости у тебя каждый надежный человек на счету будет.

— Кхе! Ну-ну, интересно, дальше давай.

— Могу и дальше. То, что вчера к тебе боярин Федор приехал, я знаю, то, что вы с ним полночи за разговором просидели — тоже. Сидели только вдвоем, тихо, и выпивки вам принесли совсем чуть, а больше вы не требовали. И спал ты после того разговора плохо

и мало — вон глаза какие красные, а рожа серая. С хорошими вестями так не приезжают, значит, новости были плохие.

— Кхе...

— Дальше. Здесь у нас новости тоже невеселые. Хотели мы узнать: кто это к нам соглядатаев подсылает? Узнали. Легче от того стало? Нет, только забот прибавилось. Бунт мы подавили, легче стало? С одной стороны, легче — зубы показывать в твою сторону теперь поостерегутся, но с другой-то стороны, Михайлу теперь и взаправду Бешеным Лисом считают — вполне серьезно прозвище пристало, и не по-доброму, а со злостью величают! Я, дядька Корней, очень хорошо знаю, как это — злые взгляды спиной чувствовать, на себе испробовал. И как эти взгляды в острое железо обращаются, тоже знаю. Ну и еще: семьи бунтовщиков ты выслал, но куда делись бабы, которые Михайлу прилюдно проклиjali, никто не знает. А это — не шутки, если помнишь, Пелагея поклялась обоим сыновей воинами вырастить и в ненависти к Лисовинам воспитать.

— Кхе... было дело.

— А не приходило тебе в голову, что их люди Журавля увели? Бабы-то они бабы, но не холопки же, а жены воинов — рассказать о Ратном и ратнинской сотне могут многое такое, что и соглядатаям не рассмотреть. Что ж получается? Мы через Иону кое-что о Журавле узнали, Журавль через Пелагею и других баб кое-что узнал о нас. И выходит, если задуматься, что столкновение между нами и Журавлем неизбежно, а возможности его нам толком неизвестны. И тут является твой дружок Федор и приносит какую-то заботу извне! Очень вовремя! Хотя пополам разорвись!

Алексей состроил вдохновенно-поэтическую мину былинника-сказителя и протяжно загнусавил:

— И призывает меня после всего этого воевода Погорынский боярин Корней Агеич да вопрошает: «По-

што на Анюте моей разлюбезной не женишься?» Ясное ясно: аз многогрешный воеводе надобен и ищет оный воевода привязь, которая меня возле него удерживать могла бы, даже и в любой крайности. И так боярин Корней этой мыслью увлекся, что все на свете позабыл! — Алексей в упор глянул на собеседника и добавил уже обычным голосом: — Даже и то, что никакой привязи мне не требуется.

Корней криво ухмыльнулся, показывая, что оценил насмешливую язвительность собеседника, и отрицательно покачал перед собой указательным пальцем.

— То, что тебе деться некуда, еще не привязь! — невольно подтвердил он правильность догадки Алексея. — Это тебе с Саввой болезным с места стронуться трудно, а был бы ты один...

— Один?! — Алексею все-таки изменила выдержка, и он подался вперед, упершись животом в край стола. — Да пойми ты, старый... обрыдло мне одному, как зверю... Семья хочу, дома нормального, житья человеческого!

— Ну, так женись! — снова повернул на проторенную дорожку Корней. — Будет тебе и дом, и семья, и житье человеческое, глядишь, и детишек еще прибавится. Вы с Анютой еще не старые... даже я, ветхий да увечный, сподобился, а уж вам-то!

Корней откровенно «бил ниже пояса» — с одной стороны подкидывал наживку, с другой — ставил младшего по возрасту собеседника в положение, когда по обычаю тот должен уверять воеводу Погорынского в том, что тот еще совсем не стар, мужчина в самом соку, и вообще: «ноги в этом деле — не главное». Алексей на подначку не повелся.

— Не о том говорим! — старший наставник Младшей стражи досадливо повертел головой, но сила обычая все же взяла верх. — Благодарствую, конечно, на добром слове, честь мне великую оказываешь, батюшка

Корней, и без того облагодетельствован тобой непомерно, до конца дней своих молить о тебе Господа...

— Будет дурака-то валять! — прервал Алексея воевода. — Вижу же, что злишься, хоть обычай и блюдешь... ладно, хоть блюдешь, от других-то и того не дождешься. В чем дело, чем недоволен?

— Прости, что перечить осмеливаюсь...

— А ну, кончай! — Корней снова повысил голос. — Что ты кривляешься, как... как Кузька в циркусе?

Оба собеседника озадаченно умолкли — сотник, сам изумившись пришедшему в голову сравнению, Алексей, не поняв, о чем идет речь.

— Кхе... — Корней ухмыльнулся, вспоминая пребывание в Турове, и враз подобревшим голосом спросил: — Так что тебя не устраивает? С Анютой у тебя все сладилось, Савва твой к ней душой прислонился, со мной породниться, сам говоришь, честь великая, и я не спорю: зятем видеть тебя буду рад и... да чего уж там, прав ты — нужен мне человек, которому, как себе верить буду... Лавруха-то мой мякина мякиной — нет в нем братниной твердости и не будет.

Воевода запнулся и добавил уже совсем негромко:

— Эх, Михайле бы годков десяток прибавить, в отца покойного пошел... — еще немного помолчал и, тряхнув головой, словно отгоняя пустопорожние мечтания, повторил вопрос: — Так что тебя не устраивает?

— Все так, дядька Корней, — отозвался Алексей. — И с Анютой, и Савва, и честь... да только... Ну, поставь себя на мое место! Кто я? Ни кола, ни двора, сотник без сотни, погорелец беглый. Кем в семью войду, приживалкой? Женюсь или за жену выйду? Кем себя чувствовать буду, что люди обо мне говорить станут? Из милости подобрали, с бабой благополучие себе приспал?

— Сам говорил, что на сплетни наплевать...

— Это не сплетни, это моя цена в людских глазах! На всю оставшуюся жизнь! Как бы ни сложилось, что

бы ни произошло, всегда найдется кто-то, кто попрекнет или усмехнется. А я ведь не стерплю — кровь пушу. Но даже и это не самое страшное, страшнее другое — постоянно ожидать насмешки или попрека. Всю жизнь, каждый час! Ты бы так смог? И можно ли полностью доверять тому, кто вместо того, чтобы о деле мыслить, постоянно оглядывается: что обо мне подумают, что скажут? Тебе надежный человек нужен или такой, который однажды Ратное и ратнинцев возненавидит? Не боишься, что из меня опять Рудный Воевода вылезет?

— Ну, ты, Леха, страхов развел...

— Погоди, дядька Корней! — Алексей уже не обозначил, а полностью воспроизвел останавливающий жест, выставив перед собой руку ладонью вперед. — Еще об одном подумай! Сам говоришь, что Анята тебе, как родная дочь, так за что же ты так ее унижаешь — в ошейник для нужного тебе человека превращаешь? Она же умница, все понимает...

— Ну, Леха, это ты уж и совсем заехал! Унижаю, скажешь, тоже... Стезя у баб от веку такая. Ибо сказано... э-э... «Она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы». Вот!

— Ага, и «добрый перед Богом спасется от нее». Это мне-то от Аняты спастись? Не я «заехал», а ты, дядька Корней.

— Кхе!

— Ладно, хватит нам вокруг да около ходить. Мне Анята рассказала, как ты в крайности бедственной в пастухи подался, лишь бы на подачки не жить. Я, ты уж прости, тебя не хуже, поэтому вот тебе мой сказ! Пока я сам из ничтожества не поднимусь, в зятя мне к тебе мне идти зазорно. Когда сочту себя достойным, сам приду и в ноги тебе паду, чтобы Аняту за меня выдал. От помощи не отказываюсь — не к чужим людям пришел, к семье побратима покойного, но подняться